

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Алексея Павловича Килина

«Частная торговля в многоукладной экономике Уральского региона (1921–1936 гг.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

История отечественного частного предпринимательства неизменно находится в центре внимания специалистов (не только историков, но и экономистов, социологов, маркетологов). Общеизвестно, что многие хозяйственные формы, выдержав проверку временем, сохранились до наших дней, хотя и в несколько измененном виде. Комплексный ретроспективный анализ экономических практик необходим для понимания принципов взаимодействия власти и общества, выяснения механизмов включенности региональной экономики в систему общегосударственных хозяйственных связей, целостного представления о возможных последствиях модернизационных процессов. В этой связи диссертация А.П. Килина, посвященная функционированию частной торговли и реализации различных экономических моделей в народном хозяйстве Уральского региона в 1920-е–1930-е гг., представляет значительный интерес.

Научная актуальность темы не вызывает сомнений. Сегодня в социогуманитаристике наблюдается смещение акцентов от изучения формальных структур к углубленному исследованию институциональных полей, в рамках которых происходит взаимодействие различных акторов экономической деятельности. Диссертация, выполненная А.П. Килиным в русле неинституционального подхода, на основе концепции социально-экономического уклада, соответствует современному уровню развития научного знания.

Новизна исследования определяется постановкой проблемы, предполагающей комплексное междисциплинарное изучение частнопредпринимательского уклада в экономике Урала, его эволюции, методов государственного регулирования частной торговли (с учетом ее местной специфики).

Концепт уклада явился эффективным рабочим инструментом для изучения хозяйственных механизмов, присущих советской экономике 1920-х–1930-х гг. Авторская позиция, предполагающая необходимость учета различных составляющих уклада (идеологических, экономических, социальных, правовых) представляется продуктивной. Это позволило автору отойти от описания исторических реалий как дихотомии социализма и

капитализма, плана и рынка, показать ситуативный характер государственной политики при регулировании торгового оборота, этапы эволюции которой аргументированно трактуется автором как становление адаптивной модели управления.

Очевидное достоинство диссертации состоит в том, что она представляет собой небезуспешную попытку теоретического обобщения накопленного в историографии опыта исследования нэпа в совокупности с обширным комплексом исторических источников. Самостоятельное научное значение имеют предложенные А.П. Килиным модели, характеризующие многоукладную экономику России в целом и Уральского региона в частности. Метод исторического моделирования позволил автору доказать переход от территориально-рыночной модели к модели территориального комбината и сделать важный вывод о том, что формирование в годы нэпа территориально-рыночной модели регионального управления имело положительные результаты.

Серьезным теоретическим вкладом в историческое знание является детализируемый автором концепт «замкнутого круга» частного сектора хозяйства, включавший в себя производителей, кредиторов, торговых посредников и потребителей и свидетельствовавший об особых социальных связях представителей частнопредпринимательского уклада. Внимания заслуживает предпринятая диссертантом классификация потенциальных «угроз» для советской хозяйственной и политической системы со стороны частнопредпринимательского уклада.

Чрезвычайно интересен раздел, касающийся судеб частных предпринимателей, для изучения которых А.П. Килин прибегает к использованию сложных в исследовательской работе и потому нечасто вовлекаемых в научный оборот судебно-следственных дел и личных дел «лишенцев». Их анализ позволил диссертанту говорить о модели двухступенчатой нисходящей социальной мобильности, при которой человек, оказавшийся в маргинальном положении, приступая к занятию легализованной в годы нэпа торговлей, опускался еще на одну ступень в социальной иерархии и лишался избирательных прав.

Объект исследования (частная торговля Уральского региона) и его предмет (выявление функций и значения частной торговли в системе связей многоукладной экономики Уральского региона) определены корректно.

Структура диссертации А.П. Килина (введение, 6 глав, разделенных на 24 параграфа, с выделенными в них подпараграфами, заключение, список источников и литературы, приложение) согласуется с целями и задачами: автор последовательно освещает степень разработанности проблемы в

научной литературе и отражение ее в источниках; разъясняет методологию своего исследования; анализирует государственную политику в отношении частной торговли, ее организационные формы, возможности кредитования, социальные аспекты частнопредпринимательского уклада. Признавая логичность тематического подхода, отмечу излишнюю, на мой взгляд, дробность структуры. Разделы диссертации несоразмерны, некоторые параграфы (2.1, 2.2., 5.2, 6.1) невелики по объему – насчитывают всего несколько страниц, что не позволило А.П. Килину в ряде случаев сделать содержательные выводы. Выделенные автором подпараграфы, разделенные тематическими заголовками, нередко завершаются цитатами без каких-либо комментариев и заключений автора (с. 143, 154, 200, 206, 221, 238 и др.).

Историографический обзор отличает объективная оценка целого комплекса работ (не только историков, но и представителей других социогуманитарных наук). Диссертант прекрасно осведомлен о работах своих предшественников, критически их осмысляет, предлагает авторскую периодизацию развития научного знания по заявленной проблематике.

Источниковая база представляется достаточной для проведения всестороннего исследования, хотя группировка источников вызывает ряд возражений. Анонсируя принцип видовой классификации, автор выделяет (наравне с нормативно-правовыми актами, статистикой, делопроизводственными документами, источниками личного происхождения) «периодические, публицистические и научно-популярные издания» (с. 6). Однако периодическую печать принято рассматривать как особый вид источников, который можно назвать «синтетическим», ибо на страницах таких изданий могли размещаться и публицистические статьи, и статистические данные, и изобразительные материалы. Публицистические издания такими характеристиками не обладают, а научно-популярную литературу к источникам относить вовсе нецелесообразно. Мне не очень понятно также, почему автором обособляются «публикации руководителей и специалистов органов власти и управления, экспертов» и «тексты, написанные теоретиками и идеологами как коммунистического движения, так и их оппонентами». Подавляющую их часть можно было бы объединить под названием «публицистических источников» (убрав, кстати говоря, ссылки на труды Н.И. Бухарина, Ю. Ларина, Е.А. Преображенского и других политических деятелей из раздела историографии), рассмотрев в контексте партийных дискуссий относительно судьбы и роли частного капитала в советском государстве.

Географические рамки диссертационного исследования обосновываются тем, что частнопредпринимательский уклад Уральского региона обладал

спецификой, обусловленной характером взаимосвязей центра и регионов и территориальной социально-экономической политикой. Нельзя не отметить, что не все аспекты изучаемой проблемы изучены на материалах Урала в равной степени. Например, подпараграфы об арендной плате (с. 198–200), о бюджетных обследованиях (с. 318) почти целиком основаны на работе Г.П. Падучева, характеризующей деятельность частных торговцев Воронежской губернии; читателю предоставляется право самому сделать вывод о тождестве процессов в различных регионах страны.

Что касается хронологических рамок (1921–1936), то они, на мой взгляд, нуждаются в более серьезной аргументации. Можно согласиться с предлагаемой А.П. Киным периодизацией этапов государственной политики в отношении частной торговли, но приходится констатировать, что по сути своей исследование ограничивается 1920-ми годами, а период 1930–1936 гг. представлен на страницах диссертации фрагментарно. Среди положений, выносимых на защиту, подавляющее большинство касаются оценки ситуации в годы нэпа, к 1930-м годам может быть отнесен, пожалуй, лишь один тезис; согласно которому в указанное десятилетие торговый посредник преобразился из предпринимателя в наемного служащего или работника прилавка. В этой связи нелишним было бы уточнить, какой смысл вкладывает автор в понятия «раннесоветское общество» и «переходный период», тем более что на с. 62 автор заявляет, что основной целью работы является «выявление роли частнопредпринимательского уклада в системе многоукладной экономики нэпа», словно забывая об определенных им же самим хронологических рамках.

Не могу не отметить присущее диссертанту смешение понятий «методология» и «методика», о чем свидетельствует содержание параграфа 2.1. Но в целом избранные автором методологические подходы (такие как неинституциональный и историко-антропологический) и методы (прежде всего, моделирования, биографический) позволили ему творчески решить поставленные научные задачи.

Не оспаривая большую часть научных заключений А.П. Килина, полагаю, тем не менее, что некоторые положения диссертации нуждаются в дополнительных комментариях:

1. Представляется, что следовало изначально более четко представить авторское понимание термина «уклад», а также охарактеризовать их виды, не ограничиваясь перечислением существующих в литературе концепций. На с. 27 А.П. Килин приводит следующее определение: «Уклад – сложносоставная категория, которая включает в себя не только экономические, но и социальные аспекты проблемы. Он учитывает не только доминирующую

форму собственности, но и характер взаимоотношений акторов друг с другом». Определение невнятное. В связи с приведенной формулировкой хотелось бы спросить, какая форма собственности была характерна для неформального уклада, неоднократно упоминаемого на страницах диссертации? В каком соотношении этот уклад находился с такими явлениями как черный рынок? серый рынок? теневая экономика? с патриархальным и диаспорным укладами? Без подобных уточнений некоторые концептуальные положения диссертации (например, что «государство внесло существенный вклад в формирование теневого сектора экономики» путем вытеснения «частнопредпринимательского уклада в сферу влияния уклада неформального, теневой экономики и нелегальных видов деятельности») выглядят недостаточно убедительными.

2. Возражения вызывают некоторые утверждения диссертанта, касающиеся системы снабжения населения. На с. 22 он указывает, что уравнительное распределение первоначально предусматривало включение в «круг доверия/распределения» лишь «чистые», «классово близкие» социальные группы и исключение недружественных и враждебных. Однако не мешало бы уточнить, что, в отличие от периода первых пятилеток, когда лицензы карточек не получали, после революции в систему карточного снабжения, хоть и по остаточному принципу, все же были включены живущие доходами с капиталов, домов и предприятий и все прочее нетрудовое население (об этом см., например, работы А.А. Ильюхова, в которых анализируется «не совсем классовый» характер советских пайков).

На с. 100 автор говорит, что на завершающей стадии нэпа имущество частных предпринимателей стало объектом повторной национализации, а на с. 268 – что одним из методов ликвидации частной торговли явились кампании по взиманию задолженности по налоговым платежам, напомилавшие реквизиции. Использование этих терминов не представляется корректным. Более правильно вести речь о конфискации, особенно если речь идет о процессе в рамках административного или уголовного делопроизводства, поскольку в данном случае имущество поступало в государственный фонд на безвозмездной основе в качестве меры санкционного характера.

Автор рассматривает закрытые распределители, отраслевые базы, торгсины как символы иерархии потребления, основанные не столько на трудовом участии граждан в производстве, сколько на номенклатурном принципе, близком сословной системе дореволюционной России (с. 159). На мой взгляд, нет никакой связи упомянутых форм торговли с номенклатурным

принципом распределения. Хотелось бы получить развернутый комментарий А.П. Килина к своему утверждению.

На с. 412–413 автор представляет собственное видение системы снабжения рабочего продуктами: если рабочему не удавалось приобрести продовольствие в государственных магазинах синдикатов и трестов, он обращался к тем ресурсам (легального или нелегального происхождения), которые имелись в распоряжении завода или фабрики; лишь после этого, если его потребности оставались неудовлетворенными, он был вынужден самостоятельно изыскивать возможности для снабжения семьи. Я могу допустить, что рабочие Урала с такими мытарствами приобретали продукты в 1920-е гг. (очевидно, именно об этом периоде в данном случае идет речь), но подобная схема нуждается в документальном подтверждении. Рискну предположить все же, что эта схема ошибочна. Согласно резолюции, принятой на XIII съезде РКП(б), проходившем в мае 1924 г., розница должна была стать делом кооперации, государственной же торговле отводились оптовые и оптово-розничные формы. Соответственно госторговля в 1920-е годы не являлась основным каналом продовольственного снабжения населения. Частота обращения к услугам того или иного звена товаропроводящей сети зависела также от социальной принадлежности человека (рабочие чаще приобретали предметы первой необходимости и продукты в кооперации) и статуса населенного пункта (в городах кооперация была более развита, нежели на селе). Изменения пришлось на начало 1930-х гг., когда массово стали создаваться Отделы рабочего снабжения на предприятиях и расширялась сеть государственных магазинов, в том числе за счет коммерческих. Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1935 г. потребкооперация должна была сосредоточиться на снабжении сельского населения, а все городские магазины передать Наркомату внутренней торговли СССР. В этой связи ошибочным представляется утверждение автора о том, что с середины 1922 г. ассортимент товаров частного рынка, за некоторым исключением, стал идентичен ассортименту государственной торговли (с. 321). Косвенным подтверждением вышесказанному служит сделанное А.П. Килиным наблюдение, согласно которому в 1920-е гг. в сводках ОГПУ традиционным «спарринг-партнером» частной торговли выступала кооперация (государственная торговля в этот период просто не рассматривалась как конкурирующая товаропроводящая система).

Спорным представляется утверждение автора, что введение карточной системы рассматривалось руководством страны как идеальный вариант, гарантировавший соблюдение принципа уравнительного распределения и

социальной справедливости. Подобное мнение является одним из распространенных историографических мифов, хотя на самом деле нормированное распределение в годы первых пятилеток считалось крайней мерой. Не случайно задача подготовить отмену нормирования была поставлена еще в феврале 1932 г. на 17-й конференции ВКП(б) (подробно об этом писали Р. Дэвис и О. Хлевнюк), а в конце 1930-х гг. карточки так и не были введены, несмотря на требования с мест. Отмечу, кстати, что автор сам себе противоречит, говоря о переходе от эгалитарного распределения к элитарному как о неизбежном следствии дефицита ресурсов (с. 183).

Текст диссертации в целом изложен научным языком, хотя нередко автор использует выражения, далекие от академизма (например: на с. 29 «нэпу в “советской” историографии было уделено достаточно внимания, ему повезло»; с. 103 «герб [СССР] был задуман на вырост», с. 120 «государственный заказ на выявление реальных или мнимых врагов Советской власти»; с. 126 «социализм – дитя капитализма»; с. 196 «власти... грабили награбленное»; с. 229 «рамки ограничений гражданских прав могли сужаться до размеров тюремной камеры»; с. 372 «идеологически ангажированная власть» и др.). На страницах диссертации неоднократно упоминаются какие-то абстрактные «власть», «государство», «правлящие элиты». Подобные речевые штампы придают тексту публицистичность, не говоря о том, что целесообразность употребления некоторых из них небесспорна (приемлемо ли, например, говорить о диктатуре, использующей механизм террора (с. 447), в отношении событий 1920-х гг.?). Полагаю, что исторический текст должен быть терминологически выверен.

Нельзя не указать технические недочеты, присущие тексту диссертации. В нем далеко не всегда указывается, о каком периоде идет речь. Из-за того что материалы исследования излагаются в проблемном, а не в хронологическом ключе, а ссылки «слепые», зачастую непонятно, к какому времени относится цитируемый документ, данная автором характеристика и пр. (с. 204, 324 и др.). Досадно, но в тексте имеются опечатки, которые мешают целостному восприятию текста диссертации. На с. 404 А.П. Килин в приводимой цитате исправляет фамилию наркома продовольствия РСФСР А.Д. Цюрупы, но почему-то оставляет неизменной ошибку в фамилии А.Е. Бадаева, возглавлявшего Петроградскую продовольственную управу.

При всем вышесказанном я считаю, что А.П. Килин провел основательную аналитическую работу, собрал ценный исследовательский материал, представил его теоретическое осмысление. Многие из высказанных замечаний носят дискуссионный характер. Текст диссертации свидетельствует о творческой зрелости соискателя, умении самостоятельно

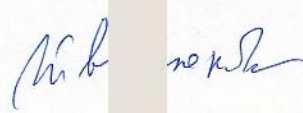
формулировать научные задачи, решать их, предлагать качественно новый взгляд на историческую проблему. Концептуальные положения, сформулированные диссертантом, позволяют говорить о существенном теоретическом вкладе в науку. Собранные в ходе исследования материалы целесообразно использовать в процессе преподавания курса Отечественной истории, экономической истории, истории права.

Основные положения диссертации нашли отражение в автореферате соискателя, а также в монографии и многочисленных статьях, в том числе в изданиях, входящих в перечень для публикации основных результатов диссертаций, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Диссертационное исследование «Частная торговля в многоукладной экономике Уральского региона (1921–1936 гг.)» соответствует специальности 5.6.1. – Отечественная история и отвечает требованиям, изложенным в п. 9 Положения о присуждении ученых степеней ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», а его автор, Алексей Павлович Килин, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

15.03.2022.

Официальный оппонент
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры новейшей истории России
Института истории СПбГУ

Елена Дмитриевна Твердюкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Тел +7(812) 328-94-47.

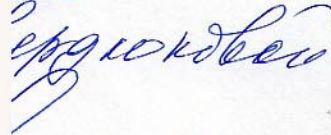
E-mail: spbu@spbu.ru

ЛИЧНУЮ

ЗАВЕРЯЮ

ПИСЬ

ИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
ЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

15.03.22